

Великая ошибка Карла Поппера: открытое общество в условиях антинаучной революции

В.А. ШУПЕР

На состоявшихся чтениях, посвященных осмыслению места России в современном мире, было уделено немалое внимание анализу догоняющего развития России, ее многочисленных судорожных попыток догнать наиболее передовые страны, предпринимавшихся за последние три столетия. Наиболее подробно эти проблемы рассматривались в докладе А. Г. Вишневого и в ходе дискуссии на «круглом столе», посвященном обсуждению его книги [Вишневский 1998]. При этом наиболее развитые страны просвещенного Запада сами находятся в состоянии глубокого интеллектуального кризиса, который можно охарактеризовать как общий кризис рационализма. Эта драматическая ситуация неизбежно должна побуждать нас к критическому анализу тех институтов, которые нам советуют заимствовать на Западе, или которые мы собираемся заимствовать сами.

Речь при этом идет не о каких-то частностях, а о наиболее фундаментальных составляющих политики и идеологии, господствующих в Западной Европе и Северной Америке при всех различиях между ними. «Не знаю ничего более губительного для возможного добра, — пишет Б.Г. Капустин, — чем моральные рассуждения о нем (типа разговоров об общечеловеческих ценностях или о европейском доме) в мире силовых взаимодействий» [Политическая философия 2002, с. 11—12]. Проблема, таким образом, сводится не к несовершенству мира, в котором мы живем, — едва ли за истекшие десятилетия он стал менее совершенным с точки зрения обеспечения гражданских и политических прав, а также благосостояния людей, а в прогрессирующей утрате критического отношения к нему. Все шире распространяется тенденция не называть вещи своими именами, но не зря Ф. фон Хайек с сочувствием цитировал слова Конфуция о том, что, когда слова утрачивают свой смысл, народ утрачивает свою свободу [Хайек 1992].

Один из самых важных для политической философии результатов был получен К. Поппером, и он состоит в утверждении тождества теории познания и политической теории [Поппер 1992]. Симметрия проблем, рассматриваемых в столь удаленных друг от друга областях знания, проявляется в следующем. В теории познания мы можем ставить вопрос о том, что должно быть источником наших знаний — опыт, теория, интуиция или еще что-либо, а можем заме-

Великая ошибка Карла Поппера...

нить его вопросом о том, *насколько надежны наши знания*, безотносительно к тому, каков их источник. Совершенно аналогично и в политической теории вопрос о том, *кто должен управлять обществом* — пролетариат, буржуазия, наиболее достойные его члены и т.д., должен быть заменен вопросом «*каким образом следует управлять обществом?*»

Постановка вопросов и, главное, поиск ответов на них предполагают наличие механизмов рациональной критики. По Попперу, метод проб и ошибок является универсальным методом приобретения нового знания от амебы до Эйнштейна [Popper 1982]. Специфика научного поиска состоит лишь в том, что здесь мы сознательно ищем ошибки, т. е. проверяем наши теории на опровержимость. Соответственно открытое общество мыслится по аналогии с Большой Наукой — некоей идеальной моделью научного сообщества, в которой предполагается максимальное проявление механизмов рациональной критики, не искажаемой ни предрассудками, ни интригами, ни игрой мелких самолюбий или административным произволом.

Между тем трактовка открытого общества как слабеющей эманации Большой Науки, каковая в наиболее полной мере воплощает принципы критического рационализма, представляется все более уязвимой для критики как с логических, так и с социологических позиций. На предыдущих чтениях и в последующих публикациях нами уже отмечалось, что Большая Наука не может служить прообразом открытого общества, поскольку в отличие от него не построена на принципе эгалитарной демократии «один человек — один голос». Более того, Большая Наука рациональна именно потому, что не построена на этом принципе. Глубокий демократизм Большой Науки состоит в равенстве всех перед истиной, а вовсе не во всеобщем равенстве, предполагаемом всеобщим избирательным правом [Шупер 2001, 2002].

Помимо логических существуют и очень важные социологические факторы, обуславливающие глубочайшие различия между современным либеральным обществом, рассматриваемым как несовершенная, искаженная форма открытого общества [Сорос 1999], и Большой Наукой. Наука возникла в определенном социальном и культурном контексте, и этот контекст оказывал и оказывает огромное влияние не только на ее развитие, но и на ее наиболее фундаментальные принципы, такие, например, как критерии истины. Если высшим предназначением науки является поиск объективной истины, а не решение каких-либо прикладных задач, то совершенно очевидно, что наука могла зародиться только в условиях демократии и благодаря ей. Действительно, наука возникла в древнегреческих полисах, где в условиях прямой демократии государственным мужам было необходимо доказывать согражданам правильность принимаемых политических решений. Принципы античной демократии, а при наиболее оптимистичном взгляде — демократии как таковой были прекрасно сформулированы Периклом, сказавшим, что хотя лишь немногие в состоянии проводить политику, мы все в состоянии судить о ней. Соответственно и Пифагор доказал образованным современникам, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы [Левин 1977].

В XVIII в. европейские миссионеры в Китае, увлеченно рассказывавшие образованным китайцам о новейших достижениях естествознания, сталкивались с полным отсутствием сочувственного и заинтересованного отношения к

выдающимся достижениям науки Нового времени [Степин 2000]. В Китае не было ни демократии, ни правового государства, а при отсутствии обязательных для всех законов в обществе не могла родиться и мысль о существовании законов природы. Следовательно, как можно было серьезно относиться к разговорам о небесной механике, если на небе все происходит по воле Бога, подобно тому, как на земле все происходит по воле императора? Одновременно в нашей, европейской, культуре трудно не отметить существеннейшее сходство между диссертационным советом и судом присяжных.

Современный кризис рационализма, находящий выражение в упадке интереса к фундаментальной науке, снижении социального статуса научного знания и, как следствие, в распространении нового мракобесия в самых различных его формах, также связан с изменением задач, которые ставит перед собой современное общество. Прекращение военного противостояния двух блоков государств позволило более не рассматривать развитие фундаментальных исследований в области математики, физики, химии как важнейшее средство обеспечения национальной безопасности. Кроме того, выдающийся прогресс фундаментальных исследований в этих областях в предшествовавший период создал громадный задел для прикладных исследований, на которых существенное снижение интенсивности фундаментальных исследований скажется далеко не сразу.

Что же касается общественных наук, то современное общество, насквозь пропитанное идеями компромисса и политкорректности, совершенно не заинтересовано в рациональной критике, ибо создаваемые социальные институты этой критике почти никогда не выдерживают. В этом принципиальное отличие ситуации в современном обществе от ситуации в древнегреческих поливах, где надо было убеждать сограждан в истинности принимаемых решений как с точки зрения их соответствия интересам избирателей, так и с точки зрения соответствия принципам, которые они разделяют. Когда вместо принципов — интересы, а возможности средства массовой информации влиять на менталитет населения стали поистине неисчерпаемыми, закономерно настало время торжества политтехнологий, а не рациональной критики. Стало возможным принятие любых, в том числе и совершенно беспринципных решений, если к ним склоняется большая часть электората (отсюда двойные и тройные стандарты в политике).

Нами уже отмечалось, что современный кризис рационализма есть результат восстания масс, крайне враждебно относящихся к институтам рациональной критики, да и вообще ко всему, недоступному их пониманию [Шупер 2002]. Причиной нынешнего восстания масс, отнюдь не первого в истории, стали, по-видимому, не нужда, войны или лишения, вызванные какими-то социальными бедствиями, а, наоборот, небывалый рост материального благосостояния в наиболее развитых странах, чрезвычайно расширивший число степеней свободы практически для каждого отдельного взятого человека. Действительно, произошел долгожданный скачок из царства необходимости в царство свободы, и суровые ограничения больше не заставляют людей или заставляют в несравненно меньшей степени, нежели ранее, вести себя рационально. Современный человек получил возможность дать волю своим чувствам и с удовольствием надругаться над доводами разума, поскольку ослабление внешних ограничений никоим образом не сопровождалось усилением внутренних. Произош-

Великая ошибка Карла Поппера...

ла инфантилизация общества, ибо взрослые получили возможность вести себя, как дети, играющие и шалящие под прикрытием своих родителей и за их счет, не обременяя себя сколько-нибудь серьезной ответственностью, и наиболее ярким проявлением этой инфантилизации стало прямо-таки эпидемическое распространение постмодернизма. При этом роль родителей возложена на «социальное государство». В силу тождества теории познания и социальной теории наука и демократия обречены пасть первыми жертвами общества великовозрастных детей или, точнее, желающих быть детьми взрослых.

Мы с детства привыкли противопоставлять моноиерархическому тоталитарному режиму полииерархическое демократическое общество. В самом деле, в условиях монополии на власть партии или государства любые блага, получаемые человеком, — прямое или косвенное отражение милости власти. Наоборот, в демократическом обществе, плюралистичном по своей природе, человек может в разном качестве входить в различные иерархии, положение в которых и определяет его доступ к тем или иным благам. Эта прекрасная картина имеет, однако, мало общего с ситуацией, когда главной, если не единственной, ценностью стали деньги, и даже известность и деньги свободно конвертируются друг в друга. На крайнюю опасность такого положения для открытого общества неоднократно указывал человек, совсем не страдающий от недостатка денег, Дж. Сорос. Он, в частности, писал с сарказмом, что, когда он тратил десятки миллионов долларов в год на благотворительную деятельность, а его фонды успешно работали в 25 странах, в США его «потолком» при общении с чиновниками был уровень помощника госсекретаря, а Маргарет Тэтчер ему лишь удалось пару раз передать записки. Все решительно изменилось в 1992 г., когда Сорос «уронил» британский фунт, причем весьма основательно. После этого для него открылись двери всех без исключения кабинетов [Сорос 1996].

Дело не в том, что мы идеализируем Запад, а в том, что мы слишком «рационализируем» его. Между тем Хосе Ортега-и-Гассет еще в 1930 г. предупредил об опасности такого прекрасодушного рационализма, опубликовав классическое «Восстание масс», где и ввел понятие «человек-масса». Это — средний человек, который чувствует себя «как все», и не переживает из-за этого. Будучи порождением цивилизации, он воспринимает все блага цивилизации как само собой разумеющееся, естественно данное состояние. Он слишком ленив, чтобы утруждать себя критическим мышлением, да и не всегда способен к нему. Поэтому он не стремится доказывать свою правоту и не желает признавать чужую. Он прав по определению, как часть массы [Ортега-и-Гассет 1997]. Мы уже отмечали, что многие общественные явления, в том числе и чудовищная антироссийская кампания, захлестнувшая западные страны в 1999—2000 гг., могут быть поняты и объяснены именно как феномены восстания масс, в данном случае цивилизованных [Шупер 2002]. Однако кризис рационализма, ставший результатом такого восстания, имеет и другие, ничуть не менее важные грани.

Трагическая ситуация, при которой интеллектуальный уровень опустился настолько, что нелепейшие суеверия и предрассудки распространились даже в наиболее образованных слоях общества, позволяет некоторым авторам ставить вопрос о наступлении *нового Средневековья*. Нам представляется, что этот термин весьма удачен как метафора, но недостаточно точно отражает существо происходящих процессов. Подлинная проблема в том, что либо Поппер оши-

бался, считая, что науке лучше всего подходит бодрящий климат открытого общества, либо современное западное общество более нельзя даже приближенно считать открытым. Однако и в том, и в другом случае можно говорить о разворачивающейся антинаучной революции (ведь наука успешно развивалась и в таком закрытом обществе, как СССР). Она последовала после первой научной революции в XVII в., когда возникло опытное естествознание, и второй — в XIX в., когда наука из занятия горстки любознательных лиц превратилась в мощный социальный институт благодаря возникновению триады «исследования — приложения — подготовка кадров» [Петров 1977, 1996], и едва ли имеет аналоги в истории. Об антинаучной революции как разворачивающемся процессе позволяет говорить уже одно только катастрофическое снижение уровня высшего образования (и в еще большей мере — среднего), которое вкупе с другими кризисными явлениями в научном сообществе и в обществе в целом привело в расстройство механизмы воспроизводства научных кадров, а в перспективе может создать серьезнейшую угрозу самому существованию сложившейся в XIX в. великой триады.

Известный философ М.К. Петров (1924—1987), чьи работы, исключительно важные для понимания развития науки как социального института, были опубликованы по преимуществу лишь посмертно, считал коренным пороком современной цивилизации принятие экстенсивной модели онаучивания, на которую он и возлагал ответственность за деградацию среднего, а вслед за ним и высшего образования, что делает неизбежным постоянное снижение интеллектуального уровня элиты общества и общества в целом. Под экстенсивной моделью онаучивания Петров понимал поверхностное и догматическое освоение научных знаний в средней, а отчасти и в высшей, школе, не требующее от обучаемых никаких интеллектуальных усилий и совершенно не вырабатывающее способности их совершать. Радикальное сокращение преподавания языков в средней школе на протяжении XX в. Петров объяснял именно тем, что обучение языку профанировать много трудней, нежели преподавание наук — точных, естественных или общественных. Если с теми или иными науками человек может быть знаком «в определенной мере» и можно утверждать, что даже знание самых элементарных их основ все равно будет ему полезно, то иностранный язык он либо знает, либо нет.

Очевидно, что широчайшее распространение экстенсивной модели онаучивания есть непосредственный результат восстания масс, потребовавших всеобщего среднего образования. Между тем всякому человеку, хотя бы бегло пролиставшему учебники для старших классов, совершенно очевидно, что образование может быть либо средним, либо всеобщим. Значительная часть учащихся не смогут освоить курсы математики, физики, химии, биологии и других дисциплин даже ценой героических усилий. Едва ли надо кого-либо убеждать, что знания современного выпускника средней школы соотносятся со знаниями выпускника дореволюционной гимназии примерно так же, как нынешние 15 руб. соотносятся с царским имперIALом. «Понятно также, что в числе соучастников преступлений экстенсивной модели онаучивания против человечества окажутся и неразумное использование законов о всеобщем обязательном образовании, позволяющее тихоходам стать влиятельной социальной группой, определяющей общий темп академического движения и общий стиль жизни в разви-

Великая ошибка Карла Поппера...

том обществе, и традиции политического и научно-административного мышления, предпочитающие местный патриотизм глобальному космополитизму, и многое другое, но в подоснове все-таки лежит, по нашему мнению, экстенсивная модель онаучивания общества, длительное время функционирующая во всех развитых странах» [Петров 1992, с. 158]. Сейчас современное общество стоит на пороге перехода ко всеобщему высшему образованию, и это станет не торжеством просвещения и прогресса, а новым этапом исторической драмы — углублением антинаучной революции.

Доклад С.П. Капицы, прозвучавший на чтениях первым, как бы задал главную ось для дальнейших дискуссий. Основной пафос доклада — в неизбежности глубочайших социальных преобразований при переходе к новому этапу развития человечества. В течение всего времени существования вида *Homo sapiens* его численность постоянно росла, за исключением относительно кратких периодов, когда она снижалась в результате эпидемий, войн либо иных природных или социальных катаклизмов. Сейчас же происходит переход к стабилизации численности человечества, а возможно даже к последующему ее сокращению. Этот переход должен завершиться уже в нынешнем столетии, и вполне очевидно, что он повлечет за собой беспрецедентные по глубине социальные преобразования, а невероятно ускорившееся течение исторических процессов связано не только с научно-техническим прогрессом, но и с революционностью происходящего перехода. Революционен же он даже в намного большей степени, чем уже отшумевшие социальные революции.

Трудно рассчитывать на то, что этот переход будет гладким и безболезненным, или хотя бы на то, что социальные бури обойдут стороной наиболее развитые страны. Страшные звери уже потихоньку выползают из своих нор и начинают, пока еще не слишком успешно, терзать ткань мирового экономического пространства. Не надо думать, что противостоять глобализации — все равно, что противиться дрейфу континентов. Процессам экономической интеграции, вопреки распространенным иллюзиям, вовсе не присущ неуклонный прогресс. Напротив, эти процессы носят циклический характер. Чередованию циклов интеграции и дезинтеграции в развитии мирового хозяйства посвятил значительную часть своих исследований замечательный экономгеограф Б.Н. Зимин (1929—1995). Им было убедительно показано, что мирохозяйственная система во главе с Англией как главным интеграционным центром сложилась в середине XIX в., и в 1913 г. мировое хозяйство было несравненно более интегрированным, нежели полвека спустя, пережив глубочайшую дезинтеграцию не только во время мировых войн, но и в перерыве между ними [Зимин 1993]. Исследования Б.Н. Зимина были успешно продолжены Л.М. Синцеровым, так же, как и Зимин, усматривающим на горизонте предвестников нового дезинтеграционного цикла [Синцеров 2000].

Мы совершенно напрасно недооцениваем опасности антиглобализма, полагая это движение маргинальным, крайне разношерстным и абсолютно несерьезным по своим лозунгам и политическим требованиям. Нельзя забывать, что в 20-е годы серьезные люди точно так же недооценивали опасность фашизма. Действительно, претензии антиглобалистов к современному миру невероятно разнородны и противоречивы. «Именно это разнообразие жалоб и создает впечатление, что антиглобалисты не способны объединиться. Однако

попробуем судить по делам. Как ни странно, предложения всех антиглобалистских движений в конце концов сводятся к одному и тому же: любой ценой ограничить трансграничное перемещение капитала (и особенно — его переток из развитых в развивающиеся страны). Действительно, заперев капитал в национальных границах (или хотя бы в границах ОЭСР), можно вернуть мир к старому доброму капитализму, в котором все вышеперечисленные проблемы решены. К сожалению, это решение лишает страны третьего мира шансов на развитие и рост. Ведь именно иностранные инвестиции позволяют создать рабочие места с зарплатой выше прожиточного минимума и разорвать порочный круг бедности, отсутствия сбережений, отсутствия инвестиций и низкой производительности. Таким образом, даже самые идеалистически настроенные антиглобалисты помогают протекционистам (бюрократии и профсоюзам развитых стран) в их борьбе против рабочих третьего мира. Цель этой борьбы — любой ценой отстоять права европейских и американских рабочих продолжать получать от \$10 до \$20 в час (например, в текстильной промышленности), в то время как китайские рабочие могут сделать то же самое за 25 или 50 центов. Гораздо удобнее делиться с бедными странами долями процента своих доходов в виде международной помощи, чем дать им возможность на равных конкурировать за рабочие места» [Гуриев 2002].

Таким образом, все более четко вырисовывается одна из главных опасностей, грозящих современному миру, и антиглобализм, с одной стороны, а международный терроризм — с другой выступают как разные симптомы одной и той же болезни — резко обострившейся конкуренции за ресурсы развития. «Солидарность пролетариев всех стран — это миф, по-видимому, сознательно культивируемый западными профсоюзами. Нет более жестокой конкуренции, чем между американскими и бангладешскими текстильными рабочими. И те, и другие изо всех сил пытаются привлечь транснациональный капитал, разница лишь в том, что первые бьются за богатую жизнь, не желая переучиваться и получать новую, постиндустриальную профессию, а последние отстаивают права на пропитание для себя и своих детей. При этом рабочие в развитых странах активно используют самые нечестные методы конкуренции, а рабочих третьего мира защитить некому, кроме, как это ни парадоксально, ВТО. Именно ВТО (и особенно раунд переговоров, начатый в Дохе) является единственной надеждой бедных стран на доступ к рынкам и, следовательно, инвестициям богатых стран, и именно поэтому ВТО так ненавидят антиглобалисты» [Там же].

Пожалуй, единственное, в чем можно не согласиться с автором блестящей статьи «Враги трудового народа», пространно цитированной выше, так это в том, что в развитых странах трудящиеся *не желают* переучиваться и получать новую, постиндустриальную профессию. В подавляющем своем большинстве они *не могут* этого сделать, поскольку несколькими десятилетиями раньше добились не всеобщего среднего образования, а превращения его в совершеннейшую фикцию. И это еще раз подтверждает мысль об антиглобализме как о ярком проявлении восстания масс. Современные луддиты, разрушающие уже не машины, а мировой экономический порядок, но по тем же самым мотивам, значительно более опасны, нежели их предшественники конца XVIII в., ибо все это происходит в мире, хоть и несравненно более экономически развитом и политически просвещенном, но гораздо менее стабильном.

Великая ошибка Карла Поппера...

Дискуссия разделила участников чтений не на сторонников либеральной модели и несуществующего третьего пути, как это могло поначалу показаться, а на тех, кто относит себя к наследникам идей Просвещения и тех, кто считает, что тогда либо был взят неправильный курс, либо его, как минимум, надо сменить сейчас. В блистательном докладе С.П. Курдюмова, завершившем чтения (его текст был подготовлен для публикации совместно с Е.Н. Князевой), высказывается мысль о том, что «золотой миллиард» страшно оторвался от остального человечества, что в соответствии с законами эволюции сложных неравновесных систем, нарастании внутренних различий сверх определенных пределов должно привести к кризису, к выравниванию уровней развития, т. е. к деградации условий жизни в наиболее развитых странах. Другим путем к в значительной мере сходным выводам пришел О.И. Шкаратан, склонный видеть в Китае будущего лидера мирового развития, создавшего коллективистскую цивилизацию, возможно, более успешную, чем атлантическая, основанная на индивидуализме.

С совершенно иных позиций выступали С.П. Капица и А.Г. Вишневский, ожидающие сокращения разрыва между «золотым миллиардом» и остальным человечеством не от отката назад «золотого миллиарда», а от стабилизации остальных миллиардов, от прекращения роста населения в развивающихся странах в результате демографического перехода. Именно это должно создать условия для их развития. И едва ли был услышан в пылу дискуссии тихий голос А.Д. Арманды, предположившего, что прекращение демографического роста будет сопровождаться переходом общества в совершенно иное состояние, при котором материальное потребление будет все более вытесняться нематериальным. Это уже сейчас происходит в наиболее развитых странах. Вероятно, страны третьего мира, прежде чем встать на путь нематериально потребления, переживут бурный рост потребления материального — им надо этим переболеть, ибо для них это будет именно та «высокая болезнь», которая позволяет вырваться из нищеты и жить с достоинством. Для них бурный рост материального потребления станет таким же этапом в развитии общества, как развитие черной металлургии или других отраслей, от которых постепенно избавляются развитые страны.

Однако постиндустриальное общество, оно же информационное, оно же сетевое, это будущее для всего человечества. Продвижение к нему требует не столько громадных вложений в образование, хотя и их тоже, сколько изменения отношения к человеку, решительное противостояние инфантилизации общества путем восстановления чувства ответственности, начиная со школьной скамьи. Если в развитых странах пойдет на убыль восстание масс, мир в целом станет более рациональным и предсказуемым. Это позволило бы не допустить опасного роста нестабильности в крупнейших странах третьего мира, способной создать угрозу всему цивилизованному человечеству.

Место России в современном мире зависит прежде всего от того, как мы оцениваем этот мир. Даже рассмотрение проблем самой России наиболее плодотворно именно в мировом контексте, на что указал в выступлении на «круглом столе» С.П. Капица. Участников чтений можно условно подразделить на монистов и дуалистов, исходящих соответственно из существования единого пути цивилизационного развития и наличия двух совершенно различных цивилизаций. В отличие от философии, здесь нет тем не менее непреходимых есте-

ственных преград, разделяющих эти два подхода. Дуалисты правы, утверждая, что заимствование техники жизни вовсе не обязательно сопровождается заимствованием ценностных систем. Да, действительно, Китай не создал никакой особой велосипедной цивилизации и идет тем же путем автомобилизации, что и все прочие страны, но в Китае осужденных казнят на переполненных стадионах, чего в нашем отечестве не было даже в самые страшные годы массового террора.

Однако никогда не следует забывать историю тех североамериканских индейцев, которые заимствовали колесо как полезное техническое нововведение, позволявшее «повысить эффективность» кочевого образа жизни. При этом применение колеса потребовало строительства дорог, а последнее — перехода к оседлому образу жизни. Исключительное своеобразие японской культуры не стало непреодолимым препятствием для использования таких социальных технологий, как представительная демократия, разделение властей и многое другое. Национальное своеобразие, хваленый коллективизм, которые на протяжении нескольких десятилетий были важнейшим фактором развития японской экономики, к концу XX в. превратились из преимущества в недостаток. Это относится прежде всего к такому социальному институту, как система пожизненного найма, что блестяще показал кризис фирмы «Ниссан». После приобретения «Рено» 37,5 % акций этой терпевшей финансовое бедствие компании во главе ее был поставлен французский топ-менеджер Карлос Гон, сделавший то, о чем не мог даже помышлять ни один его японский коллега. Он закрыл сразу несколько нерентабельных заводов и уволил их персонал.

Менее чем через два года «Ниссан» стал приносить прибыль, а Гон, что значительно важнее для нас в аспекте дискуссий о монизме или дуализме цивилизационного развития, стал в Японии национальным героем. В этой культуре успех, кстати говоря, ценится еще выше, чем в американской. Существуют и еще более убедительные примеры: на наших глазах успешно развивавшиеся Южная Корея и Тайвань перешли от довольно омерзительных тоталитарных режимов к демократии именно в западном понимании этого слова, причем во главе упомянутых стран встали недавние диссиденты, подвергавшиеся жестоким репрессиям. Совсем как в самом сердце Европы!

Впрочем, всякая аналогия хромает, а примеры ничего не доказывают. Мы можем только напомнить еще раз, что развитие экономики в сколько-нибудь длительной перспективе требует раскрепощения личной инициативы, а последняя — свободы личности и уважения прав человека. Именно в этом — и, к сожалению, только в этом — кроется причина успехов западных идей экономической и политической свободы и уважения прав человека, которым сам Запад следует, увы, далеко не всегда. Однако нам было бы лучше критиковать именно сам Запад, а не его принципы. Мы должны вдохновляться словами отца Тейяра де Шардена «от одного края света до другого все народы, чтобы остаться человечными или стать таковыми еще больше, ставят перед собой упования и проблемы современной Земли в тех же самых терминах, в которых их сумел сформулировать Запад» [*Тейяр де Шарден 1965*].

Литература

- Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР М., 1998.
Гуриев С. Враги трудового народа // Ведомости. 2002. 1 июля.

Великая ошибка Карла Поппера...

- Зимин Б.Н.* Размещение промышленности в развитой рыночной среде: Дис. д-ра геогр. наук в форме науч. доклада. М., 1993.
- Левин А.Е.* Миф. Технология. Наука // Природа. 1977. № 3.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
- Петров М.К.* Как создавали науку? // Природа. 1977. № 9.
- Петров М.К.* Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992.
- Петров М.К.* Историко-философские исследования. М., 1996.
- Политическая философия в России. Настоящее и будущее: Материалы «круглого стола», проведенного журналом «Вопросы философии» совместно с факультетом политологии МГИМО и журналом «Полис» // Вопросы философии. 2002. № 4.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. I. Чары Платона. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992.
- Синцеров Л.М.* Волны глобальной интеграции // Изв. РАН. Сер геогр. 2000. № 1.
- Сорос Дж.* Сорос о Соросе. Опережая перемены. М., 1996.
- Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1965.
- Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
- Шупер В.А.* Союз географов и философов (вместо предисловия) // Вторые сократические чтения по географии (Плёт, 26—29 мая 2001 г.): Сб. докладов. М., 2001.
- Шупер В.А.* Россия и Запад: новые интеллектуальные отношения // Вопросы философии. 2002. № 7.
- Popper K.* Unended Quest. An Intellectual Autobiography. Glasgow, 1982.